

НИНА
ПУШКОВА

Алмаз Михаила Романова

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П91

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Н. Каштыкина*

Пушкова, Нина Васильевна.
П91 Алмаз Михаила Романова : роман / Нина Пушкова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-252295-6

Михаил Романов — несостоявшийся император, отказавшийся от престола и сосланный Лениным в Пермь, — был похищен и убит большевиками в ночь с 12 на 13 июня 1918 года. Тело его так и не было найдено.

80 лет спустя влиятельный российский олигарх получает секретную информацию: Михаил Романов был обладателем перстня с огромным желтым алмазом, пропавшего после расстрела Великого князя. С этой минуты начинается беспощадная охота за уникальной реликвией. Соперницей олигарха становится московская тележурналистка Ника, ведущая собственное расследование. Чтобы раскрыть тайну алмаза, ей придется смотреть в глаза смерти...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252295-6

© Пушкова Н.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Москва, ноябрь 1945 года

Он знал, что все это была ложь. Амнистия. Прощение. Родина ждет... Все это было обещано тем, кто, как и он, бежал из страны после революции. Он не поверил. Но поехал. Потому что больше незачем было жить, а там, где он был, не хотелось оставаться.

Арестовали его на аэродроме. У трапа. Даже дали попрощаться с небом. Здесь оно было другим.

Теперь он сидит в камере, слушает, как за стеной о чем-то спорят конвойные, и уверен: этой ночью его расстреляют. Нет, он не боится. Человек, который сам водил других на расстрел, не имеет права бояться. Но в груди, под ребрами, саднит что-то живое. Не жалость к себе. Не ненависть к ним. Другое.

Ему уже сообщили, что оба его сына погибли на войне. Жена сошла с ума и умерла в доме скорби. Все, что он строил, рассыпалось. Все, во что верил, пошло прахом. Есть только одна тайна. Один секрет, который он вывез из той, другой жизни. Который грел его в парижских мансардах, когда по ночам он

кричал в пустоту. Который не позволил сойти с ума. И давал надежду.

Алмаз.

Тот, кто сейчас пьет чай в Кремле, знает, что был алмаз. Великие князья рассказали об этом на допросах в Петербурге — не устояв под пытками или перед посулами. И с тех пор Сталин искал его. Годами. Посылал людей. Перетряхивал архивы. Допрашивал тех, кто еще мог что-то помнить. Но не знал, что настоящий хранитель — он.

Сталин не получит алмаз. Никогда. Эта тайна умрет вместе с ним.

Это единственная победа, которую он еще может одержать. Не кровавая. Не громкая. Тихая, как смерть. Он унесет тайну с собой. Его история закончится здесь, в этой камере. На рассвете. С выстрелом.

А тайна — останется.

Крым, Ливадия
Ноябрь 1893 года

В день пятнадцатилетия Михаила, своего младшего сына, Александр III позвал его к себе в кабинет. Кивнув на кресло напротив, он достал из ящика стола простую глиняную трубку и неторопливо набил ее табаком. Синий дым поплыл к портрету Павла I, под которым сидел император. Михаил догадался, что отец позвал его не на будничный разговор.

— Миша, я расскажу тебе одну историю. Давно это было. Еще в те времена, когда Русь наша толь-

ко-только строилась, а где сейчас Петербург — одно болото было. Веке, почитай, в четырнадцатом.

В Венеции тогда правил дож по имени Бартоломео Градениго. Богатейший человек. Сила у него была большая. Венецианский флот полмира мог тогда завоевать. И вот пришли к нему рыцари из ордена Святого Иоанна — госпитальеры, так их называли. Им нужны были венецианские корабли, чтобы добраться до Египта. Это был Четвертый крестовый поход. Своих кораблей у них не было, но они могли за них заплатить.

Дож рыцарей выслушал. Стал торговаться, а затем назначил такую сумму, какую они заплатить не могли. Но, поразмыслив, он вошел в их положение и согласился на их цену. А в благодарность иоанниты подарили ему перстень с огромным желтым алмазом — камнем, о котором ходили легенды. Принадлежал он когда-то, говорили, самому Карлу Великому — основателю Священной Римской империи. А затем волею судеб оказался у одного из магистров ордена Святого Иоанна.

Михаил слушал затаив дыхание.

— Не как плату вручили, заметь, — продолжил император. — А как знак союза. Мол, мы, правитель великой Венеции, память о твоем добре сохраним. А алмаз этот прими в знак нашей благодарности.

Дож тот правил долго. А каждый год у них в Венеции праздник был — Обручение с морем. Выходил он в лагуну на своей золотой галере, бросал в волны кольцо и говорил: «Обручаюсь с тобой, море, во вла-

дычество вечное». Красиво, пышно, торжественно. Весь город с ним в море выходил. И в тот раз все было как обычно: тысячи барок, крики, толпы, музыка. Старик размахнулся, бросил кольцо... и тут же хвать себя за палец, на котором перстень иоаннитов носил... Пусто!

Представляешь? В суете — с болезни ли, от старости ли, но бросил он в лагуну не то церемониальное кольцо, что для обряда предназначено было, а свой заветный перстень — тот самый подарок рыцарей Святого Иоанна. Колыхнулась вода — и нет перстня.

Дож, говорят, слег от расстройства. Послал ныряльщиков — нету. Молебен монахам заказал — глухо. Смирился.

И вот через месяц сидит он во дворце, тоскует. Вдруг стража докладывает: пришел рыбак, грязный, оборванный... Его прогнать хотели, но он не уходит — требует аудиенции. Дож махнул рукой: пусть войдет, все равно с тоски помираю. Вошел рыбак, упал на колени, разжимает кулак. А в кулаке — перстень с алмазом. Тот самый!

Рыбак тот, видишь ли, сеть ставил на отмели, и попалась в нее крупная рыба. Пришел домой, вспорол брюхо, а там — кольцо драгоценное. Обрадовался рыбак, а ему говорят: так то, верно, дож потерял. И понес старик алмаз во дворец. Встал на колено, протянул кольцо и спросил: «Твое, господин?»

И тут дожа как осенило. Созвал он совет и говорит: «Море вернуло мне перстень. Это знак свыше, чтобы я его хозяевам отдал». И написал иоаннитам

на Родос, там у них штаб-квартира была: «Ваш дар вернулся ко мне из пучины, и я понял: не мне его носить. Я земной человек, морская волна мне жена, а этот перстень — он свыше. Вы воины, вы скитальцы, страдальцы за дело Христово. Пусть этот перстень хранит вас там, где вы обретете дом».

И вернул перстень.

А иоанниты потом, через две сотни лет, теснимые османами, с согласия европейских монархов на Мальте осели и стали называться мальтийскими рыцарями. И хранили алмаз как зеницу ока. Еще бы, само море им его вернуло! Алмаз стал у них чуть ли не главной реликвией. А когда Наполеон, антихрист, их с Мальты погнал, они к нам в Россию пришли. К твоему прапрадеду Павлу Петровичу.

Император глубоко затянулся трубкой, и облако сизого дыма создало загадочный, туманный ореол на портрете Павла. Казалось, он внимательно прислушивался к Александру.

— Павел, глубоко чтивший рыцарство, принял их как братьев. Вступил в орден и согласился стать его магистром. А они, мальтийцы, в благодарность и в знак того, что не было у них больше земли своей, а приютила их только Россия, поднесли ему этот алмаз. Мол, владей, магистр. Ты — наша новая Мальта.

Александр III замолк и внимательно посмотрел на сына.

— Так-то, Миша. Так что кольцо это помнит и Карла Великого, и Венецию — владычицу морей,

и рыбака, выловившего его со дна морского, и дожа того суеверного. И Павла, конечно, и меня — всех, кто его хранил. И тебя, выходит, запомнит. Передаю я его тебе как уже нашу семейную реликвию. Береги его, Миша. Вот уже сто лет его новой Родиной стала земля наша русская. Пусть так оно и будет.

Михаил смотрел на отца огромными от волнения глазами. Для него Александр III был не просто император, он считал его русским витязем, былинным богатырем. Получение подобного дара от такого отца было как посвящение во взрослую жизнь.

— Государь... отец... Я... я не нахожу слов, — взволнованно заговорил он. — Я думал, вы позвали меня, чтобы говорить об офицерской службе или учебе. Но это... это пришло из глубин истории... И теперь вы доверяете хранить его мне!

У себя в комнате, с сильно бьющимся сердцем, Михаил поднес кольцо к самому лицу. Тяжелое золото, древнее, с едва заметной вязью по тонкому ободку — то ли буквы, то ли узор, что-то восточное или скорее староитальянское. Но главное — камень.

Это был великолепный алмаз. От него исходил не тот холодный блеск, к которому он привык, видя бриллианты матушки или сестер на балах. Нет, его сияние было теплым и лучистым. Алмаз был крупным, чуть вытянутым, ограненным старинной «розой» — не россыпью острых граней, а гладкими, словно дышащими плоскостями, похожими на застывшие капли воды. В глубине его будто струился легкий, едва уловимый туман. При тусклой свече он

казался сдержанным, почти скромным. Но стоило чуть повернуть его к свету...

Михаил подошел к окну. Солнце Ливадии — щедрое, еще не остывшее после лета, — заливало комнату потоком золота. Он повернул кольцо, подставляя камень лучам.

И комната засияла искрящимися брызгами.

Это нельзя было назвать просто блеском. Алмаз вспыхнул. Из глубины его, из самой сердцевины, где таился тот самый молочный туман, вырвался сноп света. И тот был не белым и не беспощадным, как электрическая дуга. Он был живым, теплым, искристым.

По потолку и стенам заплясали зайчики, словно напитавшиеся цветом самого камня. В них чудилась игра: то холодный голубой отблеск, будто отсвет лагуны, то теплый янтарный — словно вино в венецианском бокале, то вдруг алый — как знамена мальтийских рыцарей на флагштоках галер. Бриллиант не просто отражал свет — он переплавлял его, превращая в магический фейерверк.

На миг Михаилу показалось, что вся комната поплыла. Позолота на раме иконы в углу засияла ответным огнем, хрустальная люстра под потолком отозвалась тихим звоном, а пылинки в солнечном луче закружились в бешеном хороводе, словно празднуя возвращение хозяина.

Сам камень в это мгновение перестал быть просто минералом. Он смотрел на Михаила. Из глубины его, сквозь игру света, проступали очертания — то ли

парус далекой галеры, то ли лик старика в короне дожа... Может, просто игра воображения.

Михаил зажмурился. Когда открыл глаза, свет угас, оставив после себя лишь приятное тепло в пальцах, сжимавших кольцо. Зайчики исчезли, комната стала прежней — уютной, привычной. Но ощущение чуда осталось.

Он перевел дыхание и снова взглянул на удивительный алмаз. Тот, скромно поблескивая, ощутимым грузом лежал в его ладони. Только в самой глубине его таилась всегда готовая проснуться искра.

— Так вот ты какой... — прошептал Михаил. — Рыбак тебя из пучины выловил, венецианский дож носил, рыцари берегли, мои великие предки хранили... А теперь ты у меня.

Он сжал кольцо в кулаке и почувствовал, как холодок металла сменяется ровным, спокойным теплом. Словно камень узнал его руку и согласился ждать. Надевать перстень или нет, он еще не решил. Но расставаться с этим ощущением тайны, с этим солнечным взрывом, спрятанным в кулаке, он уже не собирался никогда.

Часть первая
УБИЙСТВО

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Пермь, май 1918 года

Начало мая 1918 года было необычайно теплым и ласковым. За зиму люди намерзлись в своих стылых квартирах, позеленели от недоедания и отсутствия освещения — новые власти не слишком заботились о бесперебойной подаче электричества. Перебивались свечами, буржуйками, керосинками — кто чем мог, тем и спасался. В частных домах, где имелись запасы сушеных грибов, ягод и рыбы, зимовать было легче. Пермь с надеждой ждала весны и конца власти большевиков.

И вот, когда изрядно удлинился день, а тьма плавно перетекла в сумерки, предвещая приближение белых ночей, когда внезапное майское тепло позволило распуститься первоцветам — кустам форзиции — и образовало нежно-зеленый контур на городских деревьях, все живое потянулось на улицу. Горожане сидели группами и в одиночку перед театром в сквере. Толпы заполняли Козий загон. Это место на высоком берегу было особенно любимо

пермяками. Еще бы! Отсюда была видна широкая Кама, сияющие под солнцем купола кафедрального собора, лес на другой стороне реки, принимающий от воды и небес голубоватый оттенок... И даже заводские трубы далекой от центра Мотовилихи смотрелись романтично и напоминали корабельные мачты.

Видный пермский большевик, член ВЦИК Гавриил Мясников, по-простому Ганька, вез свою жену Дарью к пристани. Он ласково звал ее Доник. Ехали они в фаэтоне с кожаными сиденьями и мягкими рессорами. Мясников очень гордился, что фаэтон, как личное авто, всегда был в его распоряжении. Остановились на набережной. Еще год назад жизнь здесь кипела. Раньше набережная была вся в загруженных, полных людей причалах губернского пароходства, с яхтами из речного яхт-клуба, лодками, шлюпками, шитиками — все это пестрело, двигалось, жило. А как иначе: пермские реки — кормилицы. Но после революции все это как ветром сдуло. Вот и сейчас — стояло всего несколько старых лодок. Мясников выбирал, на какой из них переплыть на правый берег, где стояли высоченные сосны-великаны, белел чистый речной песок, даже лосей непуганых можно было встретить. Здесь новое пермское начальство любило маевки проводить, пикники устраивать.

Ганька уже приготовился сесть в лодку, как вдруг заметил на набережной странное собрание. Он увидел небольшую толпу из женщин, богомольных старушек, среди них стоял и облаченный в рясу священник. Они окружили высокого, видного мужчину

в легком светлом плаще и шляпе, что-то ему протягивали, о чем-то расспрашивали. Но внимание чекиста больше привлек бледнолицый священник, одетый в черное. Мясников вознегодовал. Ведь он лично написал и велел на всех церквях города развесить объявления: «Служителям культа не носить спецодежду за стенами церкви!» Вот ведь народ! Позакрывать надо их богомольные гнезда к чертовой бабушке! Неизвестно еще, о чем они там говорят, на что народ подбивают! И кто это среди них — тот высокий, в плаще?

И вдруг его как молнией поразило! Он узнал этого человека, припомнил, что видел статью с фронта и его фотографию в газете. Ну конечно же, царский генерал, да какой генерал, бери выше — родной брат царя, великий князь Михаил! Но там, на фото в газете, он был одет в черкеску, которая на нем сидела так красиво, просто на зависть. И окружали его тоже бравые красавцы-офицеры. И вот, спустя три года, уже в Перми перед ним в легком плаще и широкополой шляпе стоял тот же человек!

Как же он пропустил такую новость? Ганька даже на пикнике расхотел оставаться. Быстро перевез жену на правый берег, выгрузил мешок с провизией, дотащил все до своих товарищей и, сказав: «Доник, ты будь здесь... Я скоро!», заторопился в ЧК.

План в общих чертах созрел быстро. Вот так оказия, вот так случай в его сторону приплыл! Ликование было трудно унять! Тут не только прославиться, тут можно свое имя в историю вписать!